

УДК 821.11(73)

**«ЮЖНАЯ» ПРОБЛЕМАТИКА И ЦЕННОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РОМАНЕ У. ФОЛКНЕРА «СВЕТ В АВГУСТЕ»****В. Э. КОНТОРОВ***(Представлено: д-р филол. наук, доц. З. И. ТРЕТЬЯК)*

Рассматривается нравственно-этический (ценностный) компонент содержания романа «Свет в августе» (Light in August, 1932) нобелевского лауреата У. Фолкнера (William Cuthbert Faulkner, 1897–1962). На основании анализа системы персонажей делается вывод о том, что мировоззрение героев отличается противоречивостью и двунаправленностью. Подчеркивается, что проблематика произведения неразрывно связана с реалиями Юга США, потерпевшего поражение в Гражданской войне 1861–1865 гг.

По сравнению с более ранними романами Фолкнера⁷¹, в «Свете в августе» заметен не только практически полный отход от использования техники потока сознания в пользу повествования от третьего лица с применением несобственно-прямой речи, но и явное смещение идейных акцентов на расовую проблематику.

Кроме предположительно метиса Джо Кристмаса, в центре сюжета романа находятся также беременная Лина Грув, бывший священник Гейл Хайтауэр и рабочий Байрон Банч. Все четыре персонажа являются ценностными центрами произведения. Однако в романе 1932 года автор вырисовывает образ «полифонического» города (шире – общества), в котором сводятся воедино множество голосов эпизодических персонажей и, что можно чаще встретить, разнообразных мнений, слухов и сплетен. Таким образом, четыре героя объемлются глобальным ценностным контекстом, связанным с социально-критической направленностью романа.

Подобная трактовка истории видится отвечающей содержанию романа, ведь Фолкнер обращается в нем к реалиям Юга и США первой трети XX века (правило одной капли крови, деятельность Ку-клукс-клана, «сухой закон»), либо прямо называет исторические события (Гражданская война, период Реконструкции и пр.). И, если в «Шуме и ярости» Фолкнер проверял на прочность семью, то в более позднем романе писатель продлевает это с обществом белых [9, p. 123].

История Кристмаса начинается с его рождения, однако на момент основных событий произведения мужчине 33 года. По всей видимости, Фолкнер ориентировался на традиции романа воспитания, давшего о себе знать в истории англоязычной литературы. В то же время содержательной доминантой в художественном тексте является нравственное падение героя. В жизнеописании Кристмаса можно выделить несколько ключевых моментов, приведших персонажа к убийству Джоанны Берден, а затем к собственной смерти.

Неясное происхождение определяет судьбу Кристмаса. Герой зачат белой девушкой по имени Милли Хайнс от циркового артиста. Юфьюс Хайнс, дед Кристмаса, убивает мужчину, аргументируя это неприязнью к его роду деятельности и цвету кожи. Заметим, что читателю доподлинно не называется расовая принадлежность отца. Так, Милли считает его мексиканцем, а директор цирка убежден, что в убитом была черная кровь. Расовая неопределенность впоследствии закрепляется и за Кристмасом. Это проявляется не во внешности героя, ведь другие люди часто называют его итальянцем, т.е. считают белым, а в мироощущении персонажа, не могущего придерживаться образа жизни, закрепленного общественным мнением за представителями определенной расы. Утрата возможности однозначно соотносить себя с людьми того или иного цвета кожи приводит к утрате Кристмасом бытийной опоры, что, в свою очередь, неизбежно закладывает условия для деформации его аксиосферы.

Ранние годы жизни герой проводит в детском доме, где сторожем работает его дед-пресвитерианец, фанатично верующий в бога. Именно душевнобольной мужчина, на что часто указывают другие персонажи, закладывает в других воспитанниках приюта сомнения в расовой чистоте мальчика. Старик в конце произведения аргументирует свою позицию следующим образом: «...старый Док Хайнс следил и слышал из уст детишек, Божьих сирот, куда он вложил свои слова и разумение, когда они сами разуместь не могли, потому что безгрешные, даже девочки, греха и скотства не познавши: «Нигер! Нигер!» – из уст детишек невинных. «Что я тебе говорил?» – сказал Господь старому Доку Хайнсу. «А теперь я постановил мою волю на исполнение, и я ухажу. Нет тут больше такого греха, чтобы мне с ним вожжаться, потому что какое мне дело до блудодейства потаскухина, ежели и оно для моей цели служит», а старый Док Хайнс спросил: «Как это – и блудодейство потаскухино для вашей цели слу-

⁷¹ Имеются в виду «Шум и ярость» (The Sound and the Fury, 1929) и «Когда я умираю» (As I Lay Dying, 1930).

жит?», а Господь сказал: «Жди, увидишь. Ты думаешь, случайно я послал молодого доктора, чтобы он нашел омерзение мое, в одеяло завернутое, на крыльце в ночь под Рождество? Ты думаешь, случайно начальница была тогда в отлучке, чтоб молодые потаскухи могли назвать его Кристмасом, над сыном моим кощунствуя?»⁷² [5, с. 257]. Так задается вектор жизненного пути Кристмаса, чье положение в обществе далее будет определяться скорее не самим биологическим происхождением, на что могла бы указать его внешность, а верой героя в то, что среди его предков были афроамериканцы. Согласимся с К. Бруксом, считавшим, что в случае с Джо Кристмасом имеет место не биологический, а социальный фактор [7, р. 50].

Далее Кристмаса усыновляет семья крайне религиозных фермеров. Приемный отец описан как «безжалостный мужчина, не знавший, что такое сомнение или сострадание»⁷³ [5, с. 105]. Суровое воспитание, ежедневная муштра, направленная на привитие ребенку христианской веры, приводит к обратному эффекту: Кристмас становится ярым безбожником. По всей видимости, фигуры отца и бога интерферируют в мировосприятии ребенка, и ненависть к родителю переносится на отношение главного героя романа к религии.

После неудачного романа с женщиной легкого поведения восемнадцатилетний молодой человек разуверяется в любви. Под влиянием друзей девушки Кристмас начинает сквернословить, употреблять алкоголь и курить. Далее юноша убивает приемного отца в драке. После совершенного преступления Кристмас находится в приподнятом состоянии духа, «ликуя, наверно, как Фауст, – что отбросил раз и навсегда все зарюки, что освободился наконец от чести и закона»⁷⁴ [5, с. 142]. Тем самым герой показан свободным и от ценностных систем, которые могли бы ограничивать его поведение. С помощью сравнения с известным персонажем литературы автор подчеркивает нравственное падение героя.

Оказавшись в Джефферсоне, Кристмас вступает в отношения с Джоанной Берден, чьи предки были связаны аболиционистским движением. Демонстрируя ярко выраженный пафос отрицания, Кристмас всячески отвергает её помощь (она предлагает ему получить образование). Кристмасу неприятна любовь Джоанны, ведь женщина нужна ему только для удовлетворения физического влечения. Джоанна несколько раз просит Кристмаса помолиться вместе с ней, на что он закономерно отвечает отказом.

Несколько позднее Фолкнер пишет о «муках сожаления и раскаяния»⁷⁵ [5, с. 226], которые испытывает Кристмас, хладнокровно убив Джоанну по ее же просьбе. Неделью скрываясь от правосудия, герой решает сдаться полиции, прекрасно понимая, что это грозит ему линчеванием и смертью. Строго говоря, мужчина намеревается совершить самоубийство руками общества, что еще больше усиливает трагическую образность происходящего. Анализируя действия Кристмаса, повествователь отмечает, что «хотя в последние семь дней мощеной улицы не было, он ушел дальше, чем за все тридцать лет. И все же так и не выбрался из круга»⁷⁶ [5, с. 229]. Дорога здесь, по всей видимости, символизирует жизнь героя, эта метафора часто используется в романе. Петляние Кристмаса по кругу происходит не только в конкретном географическом пространстве, оно также показывает, что персонаж так и не смог разрешить внутренние противоречия, избавиться от душевных терзаний и изменить ход своей жизни.

В тюрьме героя навещает бабушка и, «в камере, она, наверно, и сказала ему про Хайтауэра – что Хайтауэр может его спасти, намерен его спасти»⁷⁷ [5, с. 302]. В романе не говорится о том, как именно Кристмас интерпретировал слова пожилой женщины. Остается неясным, бежал ли убийца к священнику за физическим спасением, спасением души или чтобы совершить самоубийство чужими руками.

Параллели между фигурами Иисуса и Кристмаса напрашиваются сами собой. На эту связь указывают не только имя и возраст, но и тот факт, что обе личности стали жертвами толпы. Однако «искупление» чужого греха в романе остается незамеченным для подавляющего большинства жителей Джефферсона. Похожая ситуация наблюдается и в романе «Шум и ярость», где христианские истины, услышанные семьей Дилси в церкви, никак не влияют на коллективное саморазрушение Компсонов. Как и в случае с Бенджи, художник слова использует прием остранения. Сводя вместе образы наделяемого всеми

⁷² «...Old Doc Hines watched and heard the mouths of little children, of God's own fatherless and motherless, putting His words and knowledge into their mouths even when they couldn't know it since they were without sin yet, even the girl ones without sin and bitchery yet: Nigger! Nigger! in the innocent mouths of little children. 'What did I tell you?' God said to Old Doc Hines. 'And now I've set My will to working and now I'm gone. There ain't enough sin here to keep Me busy because what do I care for the fornications of a slut, since that is a part of My purpose too,' and Old Doc Hines said, 'How is the fornications of a slut a part of Your purpose too?' and God said, 'You wait and see. Do you think it is just chance so that I sent that young doctor to be the one that found My abomination laying wrapped in that blanket on that doorstep that Christmas night? Do you think it was just chance so that the Madam should have been away that night and give them young sluts the chance and call to name him Christmas in sacrilege of My son?'» [8, p. 335].

⁷³ «...the ruthless man who had never known either pity or doubt» [8, p. 133].

⁷⁴ «...exulting perhaps at that moment as Faustus had, of having put behind now at once and for all the Shalt Not, of being free at last of honor and law» [8, p. 180].

⁷⁵ «...with a kind of writhing and excruciating agony of regret and remorse...» [8, p. 292].

⁷⁶ «Though during the last seven days he has had no paved street, yet he has travelled further than in all the thirty years before. And yet he is still inside the circle» [8, p. 296].

⁷⁷ «...in the cell with him, I believe she told him about Hightower, that Hightower could save him, was going to save him» [8, p. 392].

христианскими добродетелями бога-человека и убийцы, автор выводит читателя за пределы общепринятых представлений о добре и зле, заставляет взглянуть на оба жизнеописания в новом свете.

Другим главным ценностным центром романа является бывший священник Гейл Хайтауэр. С его образом связан другой аспект проблематики произведения. На момент основного действия романа Хайтауэр показан стариком, бездеятельной натурой, сознательно избегающей общества: «Я уже вне жизни <...> Вот почему бесполезно соваться, вмешиваться»⁷⁸ [5, с. 204]. Этот образ жизни вызван комплексом причин, которые можно рассмотреть в аксиологическом ключе.

В аксиосфере персонажа положение доминирующей ценности занимает память о предке. Дед героя воевал на стороне Конфедерации и был убит на войне. Причем эту смерть нельзя назвать героической: мужчина воровал кур. Однако внук рисует себе образ скачущего на лошади человека, остановленного пулей в Джефферсоне. Именно память о «героическом» поражении деда двигала Хайтауэром большую часть жизни. К примеру, так герой оказывается в городе, где происходит основной событийный ряд романа: «Господь должен призвать меня в Джефферсон, потому что там кончилась моя жизнь, была остановлена пулей, в седле, на скаку, ночью на джефферсонской улице, за двадцать лет до того, как зачалась»⁷⁹ [5, с. 322]. Священнослужитель настолько сильно сосредоточен на фигуре предка, что порой не отличает себя от него, т.е. мертвого человека. Исходя из этого, можно заключить, что идентичность Гейла Хайтауэра расщеплена, состоит из нескольких частей (оппозиция давнего непрожитого прошлого и настоящего) и диспропорциональна по своему складу.

Образ деда насаивается у священнослужителя на образ бога. В церкви Хайтауэр проповедовал скорее не об Иисусе, а о войне и своем родственнике: «...спустя полгода молодой священник все еще был возбужден и все толковал о Гражданской войне, и убитом деде-кавалеристе, и о горевших в Джефферсоне складах генерала Гранта – покуда не получалась полная каша. Байрону рассказывали, что так же он говорил и с кафедры, так же на кафедре заходил, превращая религию в непонятный сон»⁸⁰ [5, с. 45]. Это приводит не только к очевидным проблемам с прихожанами, но и с собственной женой, которой он уделял недостаточно внимания из-за заикленности на прошлом. Впоследствии самоубийство женщины становится причиной разуверения Хайтауэра в любви.

Байрон Банч, напротив, большую часть романа стремится вырваться из безвременья и тем самым восстановить полноту своего бытия. В этом аспекте он и Хайтауэр играют роль персонажей-антиподов в романе. Любовь к Лине Гроув возвращает Байрона к жизни. Чувство к беременной женщине становится определяющей ценностью в аксиосфере мужчины. Так, он находит ей временное жилье и прикладывает серьезные усилия, чтобы вернуть ее сбежавшего жениха. Причем сам Байрон, чье поведение отличается изрядной долей наивности, указывает на свою жертвенность: «Байрон Банч – охранял ее доброе имя, когда она выкинула это доброе имя на помойку, помогал родить пригульного ребенка в тишине и покое, взял на себя все расходы, и за это ему позволили послушать детский крик. Не получил ничего, кроме разрешения привести к ней обратно другого мужчину, когда он выколотит свою тысячу, и Байрон станет не нужен» [5, с. 280]. Не случайно К. Брукс называет Байрона выразителем идеи христианской любви и этических представлений соответствующей религии в произведении⁸¹ [6, р. 128].

И наконец, история Лины, дающей жизнь ребенку, оттеняет основную сюжетную линию романа (жизнеописание Кристмаса) и делает смыслы, сокрытые в романе, более явными. Мировоззрение женщины отличается приземленностью и наивностью. Она путешествует по Югу, чтобы вернуть своего жениха и отца ребенка Лукаса Берча. Это говорит о целеустремленности девушки, чье поведение диктуется семейными ценностями. Она явственно осознает, что ее ребенку нужен отец. Хотя Лина и Кристмас ни разу не встречаются в романе, между убийцей и родившимся в финальной части романа младенцем можно обнаружить связь. Ребенок попадает в мир, а точнее в общество, породившее преступника. На верность этой трактовки указывает тот факт, что бабушка Кристмаса, видя новорожденного, путает его с внуком, которого она не видела 33 года. Имплицитный читатель понимает, что в момент рождения убийца был таким же младенцем, и закономерно задается вопросом о возможной судьбе сына Лины, который также обладает неясным происхождением.

При всем отличии Лины от Кристмаса (герои находятся на разных ценностных «полюсах» – положительном и отрицательном), можно обнаружить еще одну связь между их образами. И мужчина, и женщина являются путешественниками, прежде всего, в географическом пространстве, однако характе-

⁷⁸ «I am not in life anymore <...> That's why there is no use in even trying to meddle, interfere» [8, p. 263].

⁷⁹ «God must call me to Jefferson because my life died there, was shot from the saddle of a galloping horse in a Jefferson street one night twenty years before it was ever born» [8, p. 418–419].

⁸⁰ «...the young minister was still excited even after six months, still talking about the Civil War and his grandfather, a cavalryman, who was killed, and about General Grant's stores burning in Jefferson until it did not make sense at all» [8, p. 52–53].

⁸¹ «Byron Bunch that protected her good name when the woman that owned the good name and the man she had given it to had both thrown it away, that got the other fellow's bastard born in peace and quiet and at Byron Bunch's expense, and heard a baby cry once for his pay. Got nothing for it except permission to fetch the other fellow back to her soon as he got done collecting the thousand dollars and Byron wasn't needed anymore» [8, p. 365].

ры этих персонажей остаются неизменными. На момент финала романа Лина по-прежнему сохраняет идентичность матери, а Кристмас так и не смог разрешить внутренние противоречия. Исходя из этого, по выражению И.А. Делазари, «в «Свете в августе» <...> «движения нет» для Кристмаса и «движения нет» для Лины Гроув» [3, с. 231]. Похожей позиции придерживается Б.А. Гиленсон, называющий статичность обычной устойчивой чертой героев прозы писателя, что превращает их в своеобразные символы [1, с. 405].

Суммируя наблюдения, укажем на наличие в романе (на уровне системы персонажей) мотива двойственности, выражающего противоречивость человеческого бытия и реализующегося в тексте через соединение в образе одного героя разнонаправленных черт. Кристмас одновременно является угнетателем (белым) и угнетенным (черным). Джоанна соединяет в себе гиперсексуальность и пуританскую холодность. Хайтауэр страдает черным и восторгается образом деда, который владел рабами и воевал на стороне Юга. Байрон хочет вернуть сбежавшего Лукаса Берча и в то же время стать мужем Лины. Размышляя о беременной девушке, Банч замечает, что «как будто она – из двух половин, и одна половина знает, что он прохвост. А другая половина верит, что если у мужчины и женщины должен родиться ребенок, то Господь позаботится, чтобы они были вместе, когда подойдет срок»⁸² [5, с. 204–205]. Подобные душевные метания являются постоянным характеризующим элементом, т.е. находятся в жестких рамках, задаваемых имплицитным автором (внутренней логикой текста), и не нарушают «статику» в образах персонажей.

Белорусская исследовательница И.К. Кудрявцева во время анализа повествовательной техники, использованной в рассказах Фолкнера «Роза для Эмили» (*A Rose for Emily*, 1930), «Дым» (*Smoke*, 1932) и др., приходит к заключению о наличии в них особой оценивающей инстанции: «собирательное «мы» общины <...> возникает, чтобы обозначить превалирующую в художественном мире нормативно-ценностную парадигму, которая далее актуализируется посредством особого наблюдающего и оценивающего взгляда на героев и события» [4, с. 76]. Это наблюдение отчасти экстраполируется на содержательно-формальные реалии романа «Свет в августе».

Конечно, применительно к «Свету в августе» справедливо говорить о местоимении «они», а не «мы». К примеру, в нижеприведенном отрывке Фолкнер описывает реакцию населения Джефферсона, на убийство Джоанны Берден: «Среди них попадались и янки, и белая голь, и даже южане, которые пожилы на Севере и рассуждали вслух, что это – натуральное негритянское преступление, совершенное не негром, но неграми...»⁸³ [5, с. 195]. Тем не менее, художник слова пишет, как из множества оценивающих взглядов складывается усредненное мнение городского обывателя, а отсюда можно провести связующую линию до всего американского общества. Подчеркнем тот факт, автор использует подобный прием (акцентуация внимания читателя на народной молве) достаточно часто. К примеру, прозаик описывает, как зеваки собираются, чтобы поглазеть на схваченного Кристмаса. Такую же ситуацию можно заметить незадолго до «суда» над главным героем. Словом, раз за разом Фолкнер прямо или заочно сталкивает Кристмаса с осуждающим, но не всегда адекватным мнением жителей Джефферсона. К схожему наблюдению касательно всего романа приходит И.А. Делазари: «Неизвестные персонажам сведения образуют пробелы в информационной ткани, которые с легкостью заполняются героями на основании собственных представлений, что подчеркнуто в тексте романа» [2, с. 9]. К тому же, как заметила исследовательница К. Портер, для жителей Джефферсона вопрос о расовой принадлежности стоит острее, чем оппозиция убийца / не убийца [10, р. 95], то есть их мнение априори предвзято.

Затронутая Фолкнером проблема расовая, позволяет сравнивать «Свет в августе» с романом Г. Бичер-Стоу (*Harriet Beecher Stowe*, 1811–1896) «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди низших» (*Uncle Tom's Cabin; or, Life Among the Lowly*, 1852), за которым закрепилось представление как о произведении, косвенно или прямо инспирировавшем Гражданскую войну в США. Если в более раннем тексте года обнаруживается широкая география событийного ряда, соседствующая с не менее широкой палитрой мнений по расовому вопросу, то в романе Фолкнера «черная» проблематика сжимается до размеров Йокнапатофы, округа «размером с марку». Это сравнение еще раз указывает на ведущий прием, который был использован Фолкнером: концентрирование явных противоречий в пределах одного образа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиленсон, Б.А. История литературы США: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Б. Гиленсон. – М.: Издательский центр «Академия», 203. – 704 с.

⁸² «It's like she was in two parts, and one of them knows that he is a scoundrel. But the other part believes that when a man and a woman are going to have a child, that the Lord will see that they are all together when the right time comes» [8, p. 264].

⁸³ «Among them the casual Yankees and the poor whites and even the southerners who had lived for a while in the north, who believed aloud that it was an anonymous negro crime committed not by a negro but by Negro...» [8, p. 251].

2. Делазари, И.А. Аксиологические модели в структуре художественного мира У. Фолкнера : автореф. дис. ... филол. наук : 10.01.03 / И.А. Делазари ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2003. – 24 с.
3. Делазари, И.А. Уильям Фолкнер. О том, как «носит человека» по «Свету в августе» У. Фолкнера / И.А. Делазари // Америка: литературные и культурные отображения. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2012. – С. 226–231.
4. Кудрявцева, И.К. Южный акцент: жанрово-стилевое своеобразие малой прозы писателей Юга США 1930–1980 гг. / И.К. Кудрявцева. – Минск: МГЛУ, 2016. – 172 с.
5. Фолкнер, У. Собрание сочинений. В 6 т. / У. Фолкнер; редкол. Б. Грибанов, П. Палиевский, А. Сахаров. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 2: Свет в августе; Авессалом, Авессалом! – 687 с.
6. Brooks, C. On the Prejudices, Predilections, and Firm Beliefs of William Faulkner / C. Brooks. – Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1987. – xi, 162 p.
7. Brooks, C. William Faulkner: The Yoknapatawpha Country / C. Brooks. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1990. – xiv, 499 p.
8. Faulkner, W. Light in August / W. Faulkner ; Introduction by R.H. Rovere. – New York: The Modern Library, 1950. – xiv, 444 p.
9. Orr, J. The Making of the Twentieth-Century Novel: Lawrence, Joyce, Faulkner and Beyond / J. Orr. – London: The Macmillan Press, 1989. – ix, 219 p.
10. Porter, C. William Faulkner / C. Porter. – New York: Oxford University Press, 2007. – vii, 199 p.